

А. С. ШИШКОВ

Рассуждение о старом и новом слоге русского языка

Всяк, кто любит русскую словесность, и хотя несколько упражнялся в оной, не будучи заражен неисцелимою и лишающею всякого рассудка страстию к французскому языку, тот, развернув большую часть нынешних наших книг, с сожалением увидит, какой странный и чуждый понятию и слуху нашему слог господствует в оных. Древний славенский язык, отец многих наречий, есть корень и начало русского языка, который сам собою всегда изобилен был и богат, но еще более процвел и обогатился красотами, заимствованными от сродного ему эллинского языка, на коем витийствовали гремящие Гомеры, Пиндары, Демосфены, а потом Златоусты, Дамаскины и многие другие христианские проповедники. Кто бы подумал, что мы, оставя сие многими веками утвержденное основание языка своего, начали вновь созидать оный на скудном основании французского языка? Кому приходило в голову с плодоносной земли благоустроенный дом свой переносить на бесплодную болотистую землю? Ломоносов, рассуждая о пользе книг церковных, говорит: «таким старательным и осторожным употреблением сродного нам коренного славенского языка купно с русским отвратятся и странные слова нелепости, входящие к нам из чужих языков, заимствующих себе красоту от греческого, и то еще чрез латинский. Оные неприличности ныне небрежением чтения книг церковных вкрадываются, к нам нечувствительно, искажают собственную красоту нашего языка, подвергают его всегдашней перемене, и к упадку преклоняют». Когда Ломоносов писал сие, тогда зараза она не была еще в такой силе, и потому мог он сказать: *вкрадываются к нам нечувствительно*: но ныне уже должно говорить: *вломились к нам насильственно и наводняют язык наш, как потоп землю*. Мы в продолжение сего сочинения ясно сие увидим. Недавно случилось мне прочесть следующее: «разделяя слог наш

на эпохи, первую должно начать с Кантемира, вторую с Ломоносова, третью с переводов *славяно-русских* господина Елагина и его многочисленных подражателей, а четвертую с нашего времени, в которое образуется приятность слога, называемая французами *elegance*». Я долго размышлял, вподлинну ли сочинитель сих строк говорит сие от чистого сердца, или издевается и шутит: как? нелепицу нынешнего слога называет он приятностию! совершенное безобразие и порчу оно — образованием! Он именует прежние переводы *славяно-русскими*: что понимает он под сим словом? Не уж ли презрение к источнику красноречия нашего славенскому языку? Не дивно: ненавидеть свое и любить чужое почитается ныне достоинством. Но как же назовет он нынешние переводы, и даже самые сочинения? Без сомнения, *французско-русскими*: и сии-то переводы предпочитает он *славено-российским*? Правда, ежели французское слово *elegance* перевести по-русски *чепуха*, то можно сказать, что мы действительно и в краткое время слог свой довели до того, что погрузили в него всю полную силу и знаменованье сего слова!*

Отколе пришла нам такая нелепая мысль, что должно коренный, древний, богатый язык свой бросить и основать новый на правилах чуждого, несвойственного нам и бедного языка французского? Поищем источников сего крайнего ослепления и грубого заблуждения нашего.

Начало оного происходит от образа воспитания: ибо какое знание можем мы иметь в природном языке своем, когда дети знатнейших бояр и дворян наших от самых юных ногтей своих находятся на руках у французов, прилепляются к их нравам, научаются презирать свои обычаи, нечувствительно получают весь образ мыслей их и понятий, говорят языком их свободнее нежели своим, и даже до того заражаются к ним пристрастием, что не токмо в языке своем никогда не упражняются, не токмо не стыдятся не знать оного, но еще многие из них сим постыднейшим из всех невежеством, как бы некоторым украшающим их достоинством, хвастают и величаются?

Будучи таким образом воспитываемы, едва силою необходимой наслышки научаются они объясняться тем всенародным языком, который в общих разговорах употребителен; но каким образом могут они почерпнуть искусство и сведение в книжном или ученом языке, толь далеко отстоящем от сего простого мыслей своих сообщения? Для познания богатства, изобилия, силы и красоты языка своего

---

* Хотя не можно сего сказать вообще, поелику и ныне есть писатели, достойно сочинениями своими славящиеся; но их так мало в сравнении с другими, что умы младых читателей гораздо меньше наставляются их писаниями, нежели заражаются и портятся творениями сих последних.

нужно читать изданные на оном книги, а наипаче превосходными писателями сочиненные: из них научаемся мы знаменованию и производству всех частей речи; пристойному употреблению оных в высоком, среднем и простом слоге; различию сих слогов; правильному писанию; красноречивому смешению славенского величавого слога с простым российским; свойственным языку нашему изгибам и оборотам речей; складному или не складному расположению их; краткости выражений; ясности и важности смысла; плавности, быстроте и силе словотечения. <...> Волтеры, Жан-Жаки, Корнели, Расины, Мольеры не научат нас писать по-русски. Выгуча всех их наизусть и не прочитав ни одной своей книги, мы в красноречии на русском языке должны будем уступить сочинителю Бовы Королевича. Весьма хорошо следовать по стопам великих писателей, но надлежит силу и дух их выражать своим языком, а не гоняться за их словами, кои у нас совсем не имеют той силы. <...> От сего, можно сказать, безумного прилепления нашего к французскому языку мы, думая просвещаться, час от часу впадаем в большее невежество, и, забывая природный язык свой, или по крайней мере отвыкая от оного, приучаем понятие свое к их выражениям и слогу. Мы беспрестанно твердим о множестве разного рода книг и превосходных сочинений, изданных французами, и жалуемся, что мало имеем их на своем языке; но те ли способы употребляем, чтоб до них достигнуть, или их превзойти? <...>

В самом деле, кто виноват в том, что мы во множестве сочиненных и переведенных нами книг имеем весьма не многое число хороших и подражания достойных? Привязанность наша к французскому языку, и отвращение от чтения книг церковных. <...>

Французы прилежанием и трудолюбием своим умели бедный язык свой обработать, вычистить, обогатить и писаниями своими прославиться на оном; а мы богатый язык свой, не рача и не помышляя о нем, начинаем превращать в скудный. Надлежало бы взять их за образец в том, чтоб подобно им трудиться в созидании собственного своего красноречия и словесности, а не в том, чтоб найденные ими в их языке, ни мало нам не сродные красоты, перетаскивать в свой язык. <...>

Рабственное подражание наше французам подобно тому, как бы кто увидя соседа своего, живущего на песчаном месте и трудами своими превратившего песок сей в плодоносную землю, вместо обработывания с таким же прилежанием тучного чернозема своего, вздумал удобрять его перевозом на оный бесплодного с соседней земли песку. Мы точно таким образом поступаем с языком нашим: вместо чтения своих книг, читаем французские; вместо изображения мыслей своих по принятым издревле правилам и понятиям, многие

веки возраставшим и укоренившимся в умах наших, изображаем их по правилам и понятиям чуждого народа; вместо обогащения языка своего новыми почерпнутыми из источников оною красотою, растлеваем его не свойственными ему чужестранными речами и выражениями; вместо приучения слуха и разума своего к чистому российскому слогу, отвыкаем от оною, начинаем его ненавидеть и любить некое невразумительное сборище слов, нелепым образом сплетаемых. Сверх сей ненависти к природному языку своему и любви к французскому есть еще другая причина, побуждающая новомодных писателей наших точно таким же образом и в словесности подражать им, как в нарядах. Я уже сказал, что трудно достигнуть до такого в языке своем познания, какое имел, например, Ломоносов: надлежит с таким же вниманием и такую же грудку русских и еще церковных книг прочесть, какую он прочесть, дабы уметь высокою славенский слог с просторечивым российским так искусно смешивать, чтоб высокопарность одного из них приятно обнималась с простотою другого. Надлежит долговременным искусом и трудом такое же приобрести знание и силу в языке, какие он имел, дабы уметь в высоком слоге помещать низкие мысли и слова, таковые, например, как: *рыкать, рыгать, тащить за волосы, подгнет, удалая голова* и тому подобные, не унижая ими слога и сохраняя всю важность оною.

Надлежит иметь воображение изощренное чтением, и память, обогащенную знанием слов, дабы уметь составлять подобные сим стихи:

Мне всякая волна быть кажется гора,
Что с ревом падает обрушась на ПЕТРА.

Какое подобное падению и шуму волны, падение и шум в стихе! что может быть величественнее сего описания:

Достигло дневное до полночи светило,
Но в глубине лица горящего не скрыло,
Как пламенна гора казалось меж валов,
И простирало блеск багровый из-за льдов.
Среди пречудных при ясном солнце ночи
Верхи златых зыбей пловцам сверкают в очи.

Какое сладкогласие и чистота слога в двух последних стихах! Верьте после сего *несомненной истине* писателей наших, что ныне токмо образуется приятность слога, называемая французами *elegance*! Везде глубокое знание языка показывается в цветах, рождающихся под

живописною кистию сего великого Стихотворца. <...> Подобная сему осмотрительность показывает, с каким тщанием старался он наблюдать ясность и чистоту слога. Во всех его сочинениях видно соединенное с пылким воображением ума сильное в языке знание, которое приобрел он неусыпным в словесности упражнением. Таковое прилежное чтение российских книг отнимет у нынешних писателей драгоценное время читать французские книги. Возможно ли, скажут они с насмешкою и презрением, возможно ли *трогательную* Заиру, *занимательного* Кандида, *милую* Орлеанскую девку променять на скучный Пролог, на непонятный Несторов Летописец? Избегая сего труда, принимают они за самой легкой способ, а именно: одни из них безобразят язык свой введением в него иностранных слов, таковых, например, как: *моральный, эстетический, эпоха, сцена, гармония, акция, энтузиазм, катастрофа* и тому подобных. Другие из русских слов стараются делать не русские, как например: вместо будущее время, говорят *будущность*; вместо настоящее время, *настоящность* и проч. Третьи французские имена, глаголы и целые речи переводят из слова в слово на русский язык; самопроизвольно принимают их в том же смысле из французской литературы в российскую словесность, как будто из их службы офицеров теми ж чинами в нашу службу, думая, что они в переводе сохраняют то ж знаменование, какое на своем языке имеют. Например: *influanse* переводят *влияние*, и несмотря на то, что глагол *вливать* требует предлога *в*: *вливать вино в бочку, вливает в сердце ей любовь*, располагают нововыдуманное слово сие по французской грамматике, ставя его по свойству их языка, с предлогом *на*: *faire l'influence sur les esprits, делать влияние на разумы*. Подобным сему образом переведены слова: *переворот, развитие, утонченный, сосредоточить, трогательно, занимательно* и множество других. <...>

Главная причина, к какой многие нынешние писатели относят необходимость рабственного подражания их французам, состоит в том, что они, читая французские книги, находят иногда в них такие слова, которым, по их мнению, на нашем языке нет равносильных, или точно соответствующих. Что ж до того? Не уж ли без знания французского языка не позволено быть красноречивым? Мало ли в нашем языке таких названий, которых французы точно выразить не могут? *Милая, гнусный, погода, пожалуй, благоутробие, чадолубие* и множество сему подобных, коим на французском языке, конечно, нет равносильных; но меньше ли чрез то писатели их знамениты? <...>

Многие ныне, почитая невежество свое глубоким знанием и просвещением, презирают славенский язык и думают, что они весьма разумно рассуждают, когда изо всей мочи кричат: не уж ли писать *аще, точию, вскую, уне, поне, распудить* и проч.? Таких слов, которые обветшали

уже и место их заступили другие, толико же знаменательные, конечно, нет никакой нужды употреблять; но дело в том, что мы вместе с ними и от тех слов и речей отвыкаем, которые составляют силу и красоту языка нашего. Как могут обветшать прекрасные и многозначачие слова, таковые, например, как: *дебелый, доблесть, присно*, и от них происходящие: *одебелеть, доблий, приснопамятный, приснотекущий* и тому подобные? Должны ли слуху нашему быть дики прямые и коренные наши названия, таковые как: *любомудрие, умоделие, зодчество, багряница, вожделиние, велеление* и проч.? Чем меньше мы их употреблять станем, тем беднее будет становиться язык наш и тем более возрастет невежество наше; ибо вместо природных слов своих и собственного слога мы будем объясняться чужими словами и чужим слогом. <...>

